

■ Новая книга

Дидье Анзё

МЫШЛЕНИЕ

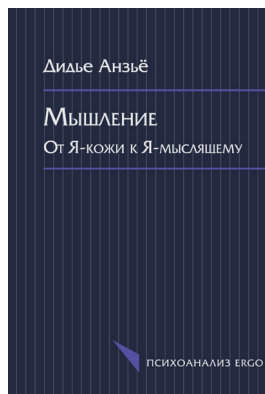
От Я-кожи к Я-мыслящему

Книга «Мышление», вышедшая в 1994 г., разворачивает представление о мыслительной деятельности как о воссоздании образно-вербальной оболочки вокруг Я по типу специфической кожи. Идеи, изложенные здесь, продолжают и развивают концепцию слоистой организации психического, ранее сформулированную в фундаментальной книге автора «Я-кожа» (1985).

«Ядром разума является Я-мыслящее; кора есть Я-кожа», — пишет Анзё, обозначая топологические взаимосвязи этих функциональных систем. Идея, положенная в основу слоистой топографии психического, позволяет метафорометонимически выделить ряд функций, обеспечивающих деятельность мышления. В ходе онтогенеза Я-кожа дифференцируется на Я-телесное и Я-мыслящее, что создает пространство и формы первичного противопоставления души и тела. Функции Я-кожи оставляют исторический след в мышлении, воплощаясь в ходе филогенеза в многовекторную систему мышления. Таких функций Анзё выделяет восемь: консистенция, контейнирование, постоянство, значимость, согласование, индивидуация, энергизация, сексуализация. Данные векторы связывают функционирование телесного и психического, являясь общими для удержания целостности субъекта. Мысль, согласно мнению Анзё, является оболочкой, способом контейнирования логических действий, в пределе своем никогда не достигая этого охвата полностью. При этом мышление, запараллеленное кожей тактильностью, является выразительным посредником (интерфейсом) между субъектом и внешним миром, одновременно содержа в себе рефлексивность относительно внутреннего и действенность относительно внешнего.

В данной работе автор ограничивается тезисным, дробленным на рубрики, панорамно охватывающим, но не развернутым письмом. Книга «Мышление» одновременно конспективна и концептуальна. Жесткость мысли, кратко излагаемой, иногда иллюстрированной примером, иногда отсылающей к философским пассажам, а временами к клиническим параллелям, демонстрирует структуру, каркас, схему психоаналитической теории мышления. И при этом воплощает плотность, эрегированность, связность и энергию мысли автора.

■ Ex ERGO LIBRIS

ISBN 978-5-98904-260-9
60x90 1/16
X, 198 с., обложка

«Один их критериев, который сигнализирует автору о том, что его труд закончен, это чувство того, что “все держится” и что “все держится на ногах”. Мыслить — значит заставлять серию мыслей держаться вместе и на ногах, друг на друге или одна в другой, заставлять их держаться друг за друга. Мышление-стоя — это метафорическая и метонимическая деривация телесной схемы: тело обеспечено поддержкой кожи, она поддерживает плоть, опирающуюся на позвоночник, и потому тело держится вертикально: двойная поддержка, кожа для плоти, плоть для скелета, и взаимная поддержка тела позвоночником и позвоночника телом. А разве телесный референт — суперпозиция позвонков один в другой — не получил свое название, согласно круговому процессу самореференции, по слову “колонна”, с помощью которого метафоризируется данный референт. Приведение к вертикали мысли повторяет и продлевает вертикальность тела. Человек возводит колонны, потому что у него две ноги и он одержал победу над силой тяготения, обретая особое равновесие, которое дается вертикальностью. Наблюдение за годовалым ребенком показывает, что навык ходьбы предшествует и способствует навыку речи. Не только потому, что кора головного мозга приматов, вставших на две ноги, неизменно быстро развивалась, но и потому, что человек ощутил свое тело как вектор, направленный в одну сторону — вверх. <...> Мыслить — значит подняться на ноги, упираясь в прочную основу: появление мышления требует поддержки, для которой необходимо крепление. Тело держится в положении стоя, опираясь спиной на внутреннюю колонну или на внешнее сооружение. Мышление — это аналог такой системы, которая построена из гибкой и прочной кожи, из массы вспомогательных органов и плоти, а также скрепленного и подвижного скелета. Параллельно любая работа мышления сочетает и некую податливую оболочку, и некую прочную структуру, а между ними двумя мягкая и вязкая внутренняя прослойка. Аркутан, контрфорс — архитектурные аналоги такого крепления, такой опоры структуры мышления на структуру тела. Примордиальный упор тела на мир дается через опыт твердой почвы и постуральное и кинестетическое равновесие на отрезке той почвы, которая представляет собой поддерживающий полигон. Примордиальный упор мышления дается маленькому ребенку через повторность его встреч с объектом, который показывает ему, что думает о нем или за него, объектом, который он интернализирует и который становится психическим местом его мышления. Он может создать много объектов, думающих о нем и за него разными способами и развивающих в нем фокусы противоположных мыслей. Человек больше не нуждается ни в цеплянии, ни в мехе, обуславливающим это цепляние. Он изобретает новое постуральное и кинестетическое равновесие, более хрупкое, но дающее более широкий диапазон возможностей для действия, а затем для мышления. Мыслить — значит строить гипотезы, приводить к вертикали мысли (являющиеся прежде всего ощущениями, фантазиями, движущими образами, то есть репрезентациями), подниматься к голове, высоко держать голову, подниматься над обыденностью, видеть вещи в перспективе, а не только слышать запах и чувствовать вкус при тесном животном-тактильном контакте с ними. Мыслить — значит искать основу, прочную как скала, возводить фундаменты на твердой земле, остерегаться разломов, зыбучих песков, обвалов. Это значит цепляться за фиксированные точки, за доверие, приобретенное через опыт держания и надежного ношения. Это значит опираться на несомненную веру в интеллигибельность мира, в передаваемость мыслей, в бдительное присутствие сознания».

■ Заказ книг

Заказ на приобретение книг «ERGO» направляйте на email: market@ergo-izhevsk.ru

Д.А. Ольшанский

ПРЕ-ТЕКСТ

*Работы по семиотике
и теории языка*

Для
ускорения печати
тиража книги
Д.А. Ольшанского
«ПРЕ-ТЕКСТ»
издательский дом «ERGO»
просит включиться активных
читателей и объявляет
подписку на данное издание
до 31 августа 2015

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ СМ.:
www.ergo-izhevsk.ru

ISBN 978-5-98904-247-0
60x90 1/16
348 с., обложка

ДВОИЦЫ ЯЗЫКА

же недоверие к буквальности проявляет и современная литературная критика и психолингвистика.

Итак, возвращаясь к проблеме взаимодействия и понимания, можно заключить, что между собой взаимодействуют только слова, а не люди, потому как язык, как структурная система отношений, сам говорит через человека, а не наоборот. Однако можно ли говорить, что человек сам способен реагировать на слова, ведь любая реакция заранее спланирована самой языковой программой, поэтому в каждой конкретной ситуации эта программа реализуется независимо от воли конкретных участников диалога.

Тогда можно задать следующий вопрос: возможно ли понимание бессознательного как подлинности, возможно ли говорить, что существует некая реальность человеческой психики вообще. Иными словами, является ли бессознательное подлинной структурой человеческой психики. Ведь именно оно (бессознательное) оказывается наиболее податливым для манипуляций и крайне зависимым от языковых структур.

Итак, с одной стороны, Лакан полагает, что реальное (бессознательное) человека проговаривается в языке. С другой стороны, язык является общим для всех людей и предлагает себя как уже данная система. Таким образом, возникает вопрос: возможна ли индивидуальность в каком бы то ни было проявлении? Лакан оставляет надежду на то, что индивидуальность возможна (иначе смысл психоанализа был бы значительно переосмыслен), но не объясняет каким именно образом.

Иными словами, насколько адекватен психоаналитик, полагая, что он слушает и слышит пациента. Ведь если язык как система знаков заставит человека подчиняться его законам (грамматики и синтаксиса), то можно ли тогда утверждать, что именно реальность бессознательного проговаривается в языке. Насколько хаотичность бессознательного (если наследодатель фрейдовское понимание) остается тождественной сама себе, когда является в оговорках, снах, нажимах — тех явлениях, которые так или иначе структурированы психоанализом. Насколько бессознательное остается бессознательным, когда является в качестве осознанных структур?

По большому счету именно психоаналитик, как любой ученый, «убивает» бессознательное, делая его осознанным и структурированным фактом. Таким образом, может возникнуть вопрос: адекватен ли психоаналитик, полагая, что знает или не знает механизм функционирования бессознательного. Несомненно, большим соблазном является желание дать ответ на этот вопрос, и Лакан не проходит мимо этого соблазна, полагая, что бессознательное функционирует как язык.

С одной стороны, ничего кроме языка аналитик услышать не может, следовательно, предположение о том, что кроме языковой

Роль языка в современном психоанализе

реальности есть какая-то другая подлинная реальность, было бы слишком большим допущением, на которое наука пойти не может. С другой стороны, если считать, что все люди говорят о себе одними и теми же словами, на одном и том же языке, тогда сама роль психоаналитика как врача ставится под сомнение. Его роль с успехом мог бы выполнять профессиональный лингвист. Более того, если все пациенты говорят одно и то же, следовательно, возможно составить универсальный толкователь бессознательного, своеобразный «сонник», как это делает Юнг. Эту же идею универсальных правил толкования предлагает и Элин Сакс, полагая что «психоанализ имеет дело только с текстами, т. е. наборами знаков, которые могут быть расшифрованы или поняты в соответствии с правилами и руководством для толкования» (Saks, 1999. P. 6).

Если верить в то, что все люди говорят о себе одинаково, неизбежно мы приходим к мысли, что существуют универсальные модели психики, как к этому пришел Фрейд. Подобно Декарту, полагавшему, что люди — суть одушевленные машины, эдипов комплекс становится у Фрейда универсальным принципом идеологии и распространяется не только на всех людей (пациентов), но и на все явления культуры. Это тотальное распространение частного элемента частной психики кажется еще большим допущением, чем вера в то, что реальность бессознательного не имеет ничего общего с языком. Конечно, слишком большой соблазн создания собственной завершенной концепции должен испытывать аналитик-практик, подобный Фрейду.

Этого соблазна не избегает и Лакан. Создавая собственную теорию, он полагает некоторое универсальное представление о человеческой психике и, какими яркими не казались бы нам заявления о роли психоаналитики как незнающего, тем не менее в текстах Лакана более, чем Фрейд, выступает с позиции осведомленного учителя. Это хорошо видно не только в идеологии Лакана, но и в самой стратегии его письма. Если Фрейд еще позволяет себе апелляции к собственному клиническому опыту, ссылки на исследования коллег, доходящие до благодарностей, то Лакан не только исключает сослагательное наклонение из своего языка, но и предлагает систему гораздо более жесткую и более однозначную, чем концепция Фрейда.

Вопрос о воспитании человека, обучении его языку, усвоении им определенных культурных навыков Лакан решает как вопрос насилия, которое, несомненно, является одним из наиболее частых его слов. Другими наиболее частыми словами Лакана являются «отчуждение» и «разлучение», которое, по его мнению, «является решающей операцией самоопределения, которая связана с отчуждением» (Lacan, 1981. P. 214). Культура, по его мнению, предстает всегда как форма насилия,

Подписки ERGO

Вопросы о подписке на книги «ERGO» направляйте на email: order@ergo-izhevsk.ru